

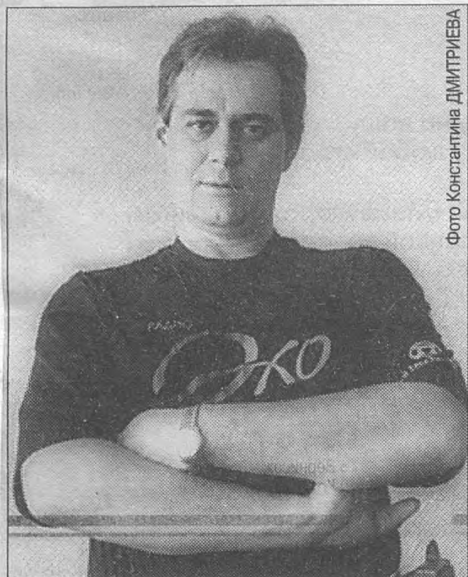

Фото Константина ДМИТРИЕВА

Сергей ДОРЕНКО:

ТВ И МЫ

«Я странно пришел...»

Автор и ведущий «Подробностей», «Версий» — теперь работает над новым проектом «Характеры». Бешеную популярность он приобрел после того, как в газетах появилось сообщение, что Наина Ельцина назвала его «самым красивым диктором нашего телевидения»

«В действительности все выглядит иначе, чем на самом деле».

Станислав Ежи Лец

— Первая леди назвала меня словесным садистом. Это тогдашний пресс-секретарь Костиков, однажды предоставляя мне слово в нарушение очереди, объяснил, что делает это потому, что я самый красивый мужчина на телевидении. Позже на встрече с работниками Гостелерадио Ельцин орал на меня: «Этот «самый красивый» дал неправильную информацию». Он меня перепутал с кем-то. И красивым меня он в негативном плане назвал. А первая леди назвала меня словесным садистом. Я этим летом сообщал о болезни президента, а Наина Иосифовна считает, что я не имел права говорить об этом, поскольку это ранит близких людей. Я же настаиваю на том, что раз уж так произошло, что ее муж нанят нами на роль президента, и поскольку мы от него зависим, то нас интересует его состояние здоровья. Вот эта парадоксальная мысль любящей женщины, конечно, трудно дается, но для меня очевидно — мне не безразлично то, от чего я завишу... Но больше я не помню комплиментов от президентской четы на свой счет. Так что все не так уж романтично, как говорят.

— Кто же вы на самом деле по образованию, по интересам? Как вы пришли на телевидение?

— Я филолог по образованию. Читатель по интересам. На телевидение пришел случайно. Когда началась забавная история с перестройкой, я, естественно, ни в какие перестройки не верил, но я видел, что власти в растерянности и они называют это демократией. А также то, что власть хочет быть хозяином перворазрядной страны, а не второразрядной. И они это называют ускорением и реформой. Ну и понятно, что этим надо пользоваться и, пока есть возможность, работать. Кроме того, я видел: они делают некоторые вещи, которые могут стать опасными для нас и наших близких, и поэтому мы должны быть в курсе их дел. И я шел как бы по заданию зрителя, и, пока он был занят своим серьезным делом, я узнавал всякие штучки для него и докладывал с экрана, ну как референт, вроде того. Мне казалось, что есть зритель такой, который меня может послать сберать. И я бегал. По-моему,

полезная роль, во всяком случае не учительская, не назидательная. Но я сильно ни за что не держусь. Понимаете, я спокойно бросаю все — никаких проблем. Я странно пришел и странно уйду.

— Верю. Из политических комментаторов вы уже ушли. Сейчас накануне президентских выборов большинство журналистов и информационных каналов включились в пропагандистские гонки, а вы пожелали быть в стороне. В чем причина? Может быть, у вас несложившиеся политические взгляды? Нет уверенности?

— Мои политические взгляды согласно профессиональному долгу, как я его понимаю, — абсолютный секрет. Я не имею права высказывать свои взгляды никаким образом. Я возмущался по поводу Буденновска и накануне Первомайского говорил, что вот-вот что-то такое будет, но это гуманистические вещи, а не политические.

Власти озабочены тем, что называют стабильностью. Речь идет о личной стабильности. Господа не у власти предлагают некую иную собственную стабильность и т. д. Все очень нервное. Главное потому, что на кон поставлена целая страна и то, кто ее будет делить. Как я понимаю свою профессию, я не могу принимать участие в драке за раздел страны. Потому что для этого я должен был быть воспитан в традициях русской журналистики, а я в них не воспитан. А просто объективистски работать не разрешают.

— И вы сменили амплуа. Сегодня вы делаете ток-шоу и

работаете для другого зрителя. Кто он?

— Женщина. Женщина — самый благодарный телезритель, даже рекламные кампании в основном обращены к ней, потому что главный зритель — она. Глупо было бы этим пренебрегать и не считаться с этим. Зная это, я просто должен соответствовать ее запросам — она хозяйин мой, я же работаю в сфере обслуживания.

— Но ваша новая программа «Характеры» обращена скорее к мужчинам: это программа о преодолении трудностей и проявлении в себе тех качеств, которые позволяют не сломаться и победить там, где другой бы просто не смог ничего сделать...

— Ой, да вы посмотрите нашу передачу и вы убедитесь: настоящие характеры проявляют только женщины, и то, что под силу женщинам, мужчинам абсолютно не по плечу. Что-то в женщинах есть, я еще не знаю, как это сформулировать, но что-то в них есть.

— Именно в наших женщинах или вообще?

— Вообще. Потому что мужчинам — все прощено. Женщины им все прощают.

— Это вам кто сказал?

— Никто, но я же вижу, я же не вчера на свет появился! Мужчины истеричны, инфантильны. Напились, начинают матом ругаться — это считается клевым темперамент, крутой мужик. То есть даже придумано оправдание, правильно. Когда он себя по частям не может собрать, не может понять, в какой он семье живет, на каком он свете живет и т. д., это тоже

считается мужским поведением. Все ему прощается — истеричность, инфантильность и кретинизм. Вообще обществом прощается, и не только в России. Женщины сами себе этого не прощают. Они должны быть четкими, красиво одетыми, правильно ходить на работу, всех обогреть, обойти, этого идиота спать уложить... Из чего я делаю вывод, что мужчинам, в принципе, жить легче. Им позволено сломаться, впасть в свою истерику в любую минуту.

— Но вы себя относите к миру мужчин или вы как бы...

— Я не отношу себя ни к каким сообществам людей. Мне это очень трудно сделать, хотя если научно, то, наверное, надо бы разобраться с этим... Я, разумеется, отношу себя к миру мужчин, но не в коллективистском смысле, а в индивидуалистическом. Я мужчин не люблю, что делать. Мне легче работать с женщинами, общаться с женщинами, вообще быть с женщиной мне легче, понимаете. Они умнее, что ли...

— Значит, вы понимаете, почему многие женщины женщинами больше быть не хотят, — это трудно. Как в связи с этим вы относитесь к феминизму?

— Мне нравится, если я отнущусь к даме, как к леди, чувствовать себя джентльменом. А им не нравится — ну дуры! Американкам, например, пальто подашь или еще чего-нибудь, а они нервничать начинают...

— Кстати, о пальто. Когда-то в одной из передач про манекенщиков вы рассказывали о своей работе на этом по-

прище, и тот памятный клип к «Версиям», где вы в дивном пальто цвета Navy Blue...

— Это пальто стоило 30 долларов, китайское, купленное случайно из каких-то сэйлов и отходов, вот. Но, пожалуйста, я должен продавать товар — и я его продаю, это закон жанра. Вы должны делать что-то, что от вас требует профессия. И все. Манекенщиком я не работал — они там, как всегда, все перемонтировали, и получилась полная ерунда. Я в девятом классе средней школы заходил по пути с уроков домой каждый божий день на примерку рубашек. На меня рубашки шили в доме моделей, меня маман туда свела. У меня был идеальный пятидесятиый размер, миллиметр в миллиметр, когда мне было 15 лет, просто литой. Они шили на меня какие-то рубашки, но я их не показывал ни на каких подиумах, походочку не отрабатывал. Я шел туда, потому что за каждую примерочку платили рублик. Когда вам 15 лет и запись Led Zeppelin стоит ровно рубль, а вам еще нужно собрать все концерты Beatles, и Deep Purple и ранний Queen — этот рубль был мне нужен, и я знал, где мне его взять, и я его брал. Я стоял там, как конь, понуро, и только следил, чтобы распались в ведомости. Потом я работал сторожем в «Лейпциге», будучи студентом. Тоже очень неплохо. С Андрюхой Афанасьевым, сыном Юрия Афанасьева. Туши говяжьи таскали, чтобы трюндель зашибить у мясников. Нормальная работа.

— А какое у вас вообще отношение к своей внешности? Это часть профессии?

— У меня нет отношения к своей внешности. Я причесываюсь пятерней. Стригся я всегда сам. Беру расческу — специальная такая, зажимается с бритвой. Причесываетесь, когда причесались — шлеп, уже постриглись, называется. По мокрому волосам нужно. Иногда такие вот белые пятна появляются, но они зарастают постепенно — тут важно работать мордой в кадр так, чтобы пятно белое не лезло. А загривок — его вообще никто не видит, какая разница.

— Но сейчас передача, где вы видны со всех сторон, как вы выходите из положения?

— Сейчас за меня взялись. Ольга Бурмистрова — «третьи ножницы планеты». Специально я над имиджем не работаю, но если я работаю над передачей, я должен думать о том, что в ней уместно, а что нет, и кому я ее продаю.

— Замечательные слова: часто складывается впечатление, что наши телекомпания меньше всего думают о том, кому и зачем они будут продавать свою продукцию, то есть о зрителе. Возможно, в этом основная проблема нашего телевидения?

— Наша проблема не в том, что телевидение плохое или хорошее, а в том, что каналов всего 7—8. Когда у вас 65—90 каналов, вы употребляете программы, как таблетку, — что вам нужно. При нашем же раскладе вы не можете сетовать на телевидение. Хотя в принципе сетовать на телевидение — тоже очень по-русски, согласитесь. Человек занятой, живущий полноценной собственной жизнью, не может сетовать на «черный ящик», это глупо. Какое вам дело до него, вы живите себе и живите.

— При таком отношении к «ящику» странно, что вы в нем работаете. Что же вам все-таки там нравится?

— Мне нравится, когда телевидение акцентирует внимание не на том, что оно об этом рассказывает. Понимаете? Не «Я и русская демократия» и «Я и вселенная» и так далее, понимаете? Кроме того, мне нравится, что телевидение позволяет мне часто менять объекты внимания, вообще все менять, комбинировать. Потому что я не мог бы работать в фабричном режиме, меня бы это удручало. Вот это меня все привлекает. Ну, пока привлекает, а дальше увидим.

Беседовала Мария ПАСТУХОВА

Рейтинг популярности — дело тонкое и жестокое

Наши телевизионщики обычно бывают шокированы или в лучшем случае изумлены тем, насколько жестоко на западном телевидении реагируют на колебания рейтингов. Самые популярные передачи, самые известные ведущие обречены на закрытие или «перестройку», если популярность их у зрителя начинает падать. Изменение даже на один процент — достаточное основание для самых жестких мер. Нам, конечно, тоже не стоит стремиться к тому, чтобы судьбу передачи или «телезвезды» определял только его рейтинг у зрителей, — образовательные, детские, культурные передачи должны быть доступны для всех и находить свое место в эфире. Но и нет никакой нужды раздражаться тем, что сегодня телеканалы стали последовательно ориентироваться на интересы телезрителей.

Вспомним, сколько шума было, когда информационная программа на 1 канале вернулась к

старому названию «Время», к привычным для слуха миллионов позывным. А сегодня уже никому не придет в голову обвинять 1 канал в «идеологической диверсии», скорее, пришло понимание, что забытое старое дорогого стоит.

Исследования практически всех социологических служб отмечают неуклонный рост телевизионной аудитории практически у всех каналов в прошлом году. ТВ-6, НТВ, «2 × 2» заметно увеличили число своих зрителей. Но при этом особое внимание стоит обратить на то, что сделано это не за счет 1 канала. К изумлению многих в условиях все более жесткой конкуренции ОРТ не только не потеряло своего зрителя, но и постоянно наращивает аудиторию. У 1 канала сегодня четверть телезрителей страны. НТВ и РТР имеют по 17 процентов. ТВ-6 — 13 процентов.

Стоит обратить внимание и на следующее се-

рьезное обстоятельство — на различие между московской и общероссийской телеаудиторией. Если в столице ОРТ просто в числе первых, то в российской провинции эта телекомпания почти абсолютный лидер. Тому способствуют многие обстоятельства. Конкурентов ОРТ не могут стабильно, на хорошем техническом уровне принимать на всей территории России. А второй общенациональный канал РТР, вроде бы вещающий так же широко, в лучшее время перекрывается местными телеканалами, имеет продолжительные технические дневные перерывы.

Вот и получается, что ОРТ, с точки зрения телезрителей, — лидер по всем статьям. И остальным каналам стоило бы обратить внимание не только на его преимущества в технике, но и на ту решительность, с которой 1 канал пошел навстречу телезрителю.

Сергей ЛИТВИНОВ